

Научная статья

УДК 347.124

DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1660

Aleksandr Aleksandrovich Butenko

Candidate of Law,
Head of the Department of Private and Public Law,
Volgograd Institute of Business
Volgograd, Russian Federation
aleksbut21@mail.ru

Александр Александрович Бутенко

канд. юрид. наук,
заведующий кафедрой частного и публичного права,
Волгоградский институт бизнеса
Волгоград, Российская Федерация
aleksbut21@mail.ru

Gennadii Gennad'evich Egorov

Candidate of Law,
Researcher at Educational and Scientific Laboratory
for the Study of Regional Systems,
Volzhsky Branch
of Volgograd State University
Volzhsky, Russian Federation
egorov@vgi.volsu.ru

Геннадий Геннадьевич Егоров

канд. юрид. наук,
научный сотрудник учебно-научной лаборатории
исследования региональных систем,
Волжский филиал
Волгоградского государственного университета
Волжский, Российская Федерация
egorov@vgi.volsu.ru

ПРАВОВЫЕ ФОРМЫ ЗАЩИТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ, ПОЛУЧЕННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

5.1.3 — Частно-правовые (цивилистические) науки

Аннотация. Представленное в статье исследование рассматривает проблемы регламентации правового режима объектов гражданского права, созданных с использованием технологий, основанных на применении авторами комплексов, базирующихся на разработках в сфере машинного интеллекта. Одной из основных проблем, исследуемых авторами, выступает юридическая коллизия, определяющая согласно действующим нормам Гражданского кодекса РФ, что автором таких результатов может быть только гражданин, формирующий их на основе личной творческой деятельности. Данная трактовка формально закрепляет невозможным признание новых объектов, созданных с применением данных цифровых технологий, объектами авторского права. Отмеченное формирует юридическую допустимость того, что при использовании данных продуктов в социальной среде и получении прибыли от данных результатов игнорируются интересы т. н. первичного субъекта, закрепляющего за объектами ряд экономических планов и фактически затраченных инвестиций. Стандартные средства судебной защиты в данных ситуациях становятся неэффективными, и защита экономических интересов первичных правообладателей сводится

к комплексу частноправовых механизмов, сходных с юридическим процессом против всех. Целью проведенного исследования выступает правовой анализ действующих норм и систематизация потенциальных правовых форм защиты гражданских и смежных прав на защищаемые объекты, а также разработка научно-практических рекомендаций по совершенствованию действующих норм российского права. Методология научного исследования включает сравнительно-правовой анализ, научно-доктринальное толкование норм гражданского права, структурно-функциональный анализ существующих правовых институтов и определение перспективных направлений по совершенствованию нормативных изменений. Отдельное внимание уделяется анализу пользовательских соглашений, вводимых правообладателями ИИ-платформ, как фактической формы правового регулирования пробельных отношений в данной сфере

Ключевые слова: искусственный интеллект, генеративный искусственный интеллект, авторское право, смежные права, Гражданский кодекс РФ, творческий труд, пользовательские соглашения, исключительное право, правовая неопределенность, защита гражданских прав

Для цитирования: Бутенко А. А., Егоров Г. Г. Правовые формы защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью искусственного интеллекта // Бизнес. Образование. Право. 2026. № 2(75). С. 219—225. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1660.

Original article

LEGAL FORMS OF PROTECTION OF CIVIL RIGHTS TO OBJECTS OBTAINED WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

5.1.3 — Private law (civilistic) sciences

Abstract. The conducted research examines the problems of regulating the legal status of objects of civil law created using technologies based on the authors' use of complexes developed with the help of machine intelligence. One of the main problems

investigated by the authors is a legal conflict that determines, according to the current norms of the Civil Code of the Russian Federation, that the author of such results can only be a citizen who forms them based on personal creative activity.

This interpretation formally establishes the impossibility of recognizing new objects created using these digital technologies as objects of copyright. This creates a legal basis for ignoring the interests of the so-called primary entity, which links a set of economic plans and actual investments to the objects, when these products are used in a social environment and profits are generated from the results. Standard judicial remedies become ineffective in these situations, and the protection of the economic interests of the primary copyright holders is reduced to a set of private law mechanisms similar to legal proceedings against everyone. The purpose of the research is a legal analysis of current norms and systematization of potential legal forms of protection of civil and related rights to protected objects, as well

as the development of scientific and practical recommendations for improving the current norms of Russian law. The methodology of scientific research includes comparative legal analysis, the initial doctrinal interpretation of the norms of civil law, the structural and functional analysis of existing legal institutions and the identification of promising areas for improving regulatory changes. The authors pay special attention to the analysis of user agreements introduced by the copyright holders of AI platforms as an actual form of legal regulation of gap relations in this area.

Keywords: artificial intelligence / AI, generative AI, copyright, related rights, Civil Code of the Russian Federation, creative work, user agreements, exclusive right, legal uncertainty, protection of civil rights

For citation: Butenko A. A., Egorov G. G. Legal forms of protection of civil rights to objects obtained with the help of artificial intelligence. *Biznes. Obrazovanie. Pravo = Business. Education. Law.* 2026;2(75):219—225. DOI: 10.25683/VOLBI.2026.75.1660.

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена стремительным развитием генеративных технологий искусственного интеллекта (*artificial intelligence, AI*; далее — ИИ), включая большие языковые модели и нейросети для создания текстов, изображений и аудиовизуального контента, вызвало глубокий кризис в традиционной системе интеллектуальной собственности. Ключевая причина этого кризиса заключается в том, что действующее гражданское законодательство Российской Федерации, в частности Часть четвертая Гражданского кодекса (далее — ГК) РФ, исходит из фундаментального требования о том, что авторское право возникает только в результате творческого труда человека. Однако контент, созданный с помощью ИИ (*AI-generated content*), может формироваться полностью или частично автономным алгоритмом, при минимальном участии человека — например, через формулировку запроса (промпта). В таких случаях возникает серьезная юридическая неопределенность относительно правообладателя, правового режима результата и возможных форм его защиты.

Целесообразность разработки темы. В российском праве отсутствует специализированные нормы права регулирующие общественные отношения, связанных с определением режима объектов, созданных с помощью ИИ.

Данная ситуация порождает правовую дилемму, при которой лица, инвестирующие в создание данных объектов, не могут юридически рассчитывать на возможность использования гражданско-правовых механизмов защиты прав, предусмотренных в гл. 70 ГК РФ. Данные пробы в правовой регламентации, вынуждают де-факто возлагать бремя по защите авторских права на частные компании — операторов ИИ-сервисов, которые закрепляют правила по определению правовых режимов через пользовательские соглашения, тем самым защищая и самих себя от возможных судебных разбирательств во свое участие. Использование данного подхода ведет к фрагментации правового поля, создания предпосылок для возникновения неравенства сторон и отсутствию юридических гарантий против всех заинтересованных лиц (*erga omnes*), что противоречит принципам публичного регулирования интеллектуальных прав.

Изученность проблемы. Правоотношения в сфере технологий ИИ как объекта интеллектуальной собственности исследовали В. В. Архипов [1], И. З. Аюшева [2], Е. Ю. Баракина [3], М. В. Белкина [4], А. Р. Валамат-Заде [5], И. В. Воробьева [6], С. А. Деев [7], Е. П. Шилкина [8] и др.

Проблемные аспекты правовых способов защиты ИИ как объекта интеллектуальной собственности изучали В. С. Горбань [9], С. В. Коршунов [10], И. Н. Мосечкин [11] и др. Отмечается отсутствие правоприменительной практики в исследуемой сфере.

Признавая вклад этих и других ученых в разработку проблемы правового регулирования института ИИ, тем не менее приходится признать, что она остается недостаточно изученной. Это связано, прежде всего, с тем, что процесс правового регулирования находится на начальной стадии. В связи с этим возникает необходимость выявления проблем, складывающихся в сфере защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью ИИ.

Научная новизна данной публикации заключается в исследовании теоретических и практических проблем, установления правового режима защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью ИИ, в т. ч. на основе анализа современного российского и зарубежного законодательства. В статье представлен анализ результатов деятельности ИИ и соответствующих им механизмов правовой защиты. Созданные ИИ результаты деятельности предлагается считать не единым объектом правового регулирования, а совокупностью внешне сходных, но по существу различных объектов, каждый из которых требует собственного подхода к правовой охране.

Целью исследования является выявление и систематизация действующих и потенциальных правовых форм защиты гражданских прав на объекты, полученные с помощью ИИ, а также разработка научно обоснованных предложений по совершенствованию российского законодательства.

В качестве ключевой **задачи** выступает обоснование необходимости введения специального правового режима *sui generis* в рамках института смежных прав, ориентированного не на творчество, а на защиту организационных и финансовых вложений.

Теоретическая значимость. В условиях пробельной регламентации исследуемых направлений, возникает необходимость в разработке адекватных правовых форм защиты гражданских прав на ИИ-объекты. Представляется, что в текущей ситуации защита осуществляется преимущественно контрактными механизмами (*ex contractu*), тогда как защита в силу закона (*ex lege*) требует либо адаптации существующих институтов, таких как смежные права или права на базы данных, либо введения нового специального правового режима особого рода (*sui generis*). Настоящая

статья направлена на анализ этих возможностей в свете действующего законодательства, международного опыта и доктринальных предложений.

Практическая значимость данного исследования заключается в онтологической дифференциации результатов деятельности ИИ и соответствующих им механизмов правовой защиты, является значимой как для дальнейших исследований данных объектов, так и в качестве предложений по совершенствованию норм гражданского законодательства.

Основная часть

Методологической основой исследования выступает сравнительно-правовой анализ (сравнение подходов в регламентации объектов в США, Европейском Союзе и Российской Федерации); научное толкование действующих норм гражданского законодательства, структурно-функциональный анализ правовых институтов, связанных с авторским правом, смежными правами, базами данных, коммерческой тайной; и прогнозирование правовых инноваций в данной сфере, а также системный, комплексный, логико-юридический методы, правовой и др. Особое внимание уделено анализу пользовательских соглашений крупных ИИ-платформ как фактического источника правового регулирования в условиях законодательного вакуума.

Результаты исследования. Развитие генеративно-го ИИ, включая большие языковые модели и нейросети для создания текстов, изображений и аудиовизуального контента, вызвало глубокий кризис в традиционной системе интеллектуальной собственности. Ключевая причина этого кризиса заключается в том, что действующее гражданское законодательство Российской Федерации, в частности Часть четвертая ГК РФ, исходит из фундаментального требования о том, что авторское право возникает только в результате творческого труда человека. Однако объекты, созданные с помощью ИИ, могут формироваться полностью или частично автономным алгоритмом, при минимальном участии человека, например через формулировку промпта. В таких случаях возникает серьезная юридическая неопределенность относительно правообладателя, правового режима результата и возможных форм его защиты.

Современная система интеллектуальной собственности в Российской Федерации строится на антропоцентричной модели, в которой автором может быть только физическое лицо, осуществившее творческий труд. Статья 1228 ГК РФ прямо указывает, что автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого он создан. Аналогичным образом, ст. 1259 ГК РФ, закрепляющая перечень охраняемых авторским правом произведений, предполагает их происхождение от человеческой творческой деятельности. Поскольку ИИ не обладает правосубъектностью: он не является ни гражданином, ни юридическим лицом, — он не может быть признан автором в юридическом смысле. Такое положение подтверждается и международной практикой. Так, Управление по авторским правам США (*U.S. Copyright Office, USCO*; <https://www.copyright.gov/ai/>) неоднократно подчеркивало, что «человеческое авторство» является необходимым условием охраноспособности произведения. Даже тщательно составленный запрос (промпт), по мнению *USCO*, не создает охраняемого выражения, поскольку конкретная форма контента генерируется машиной, а не человеком.

Этот принцип был дополнительно укреплен в патентном праве США в деле *Thaler v. Vidal* 2022 г. (<https://www.sterneessler.com/news-insights/insights/thaler-v-vidal-43-f4th-1207-fed-cir-2022-moore-taranto-stark/>), где Апелляционный суд по федеральному округу постановил, что изобретателем может быть только «индивид», т. е. человек. Хотя такое решение касается патентного права, его доктринальные основания напрямую применимы к авторскому праву: если ИИ не может быть изобретателем, он тем более не может быть автором художественного или литературного произведения. Таким образом, полностью автономно сгенерированный ИИ-контент, не содержащий существенного творческого вклада человека, не подпадает под охрану авторского права и формально попадает в общественное достояние [12]. Что создает парадоксальную ситуацию: экономически ценный, уникальный контент не защищен законом, что подрывает стимулы к его созданию и коммерциализации.

Вместе с тем объекты, созданные с использованием ИИ, можно классифицировать по степени участия человека. Во-первых, это случаи, когда ИИ выступает в роли инструмента, ускоряющего или облегчающего творческий процесс, но окончательное художественное решение принимает человек (например, художник, регулирующий нейросетевое изображение или писатель, редактирующий сгенерированный текст). Во-вторых, случаи, когда человек ограничивается лишь постановкой задачи (промптом), а ИИ самостоятельно определяет стиль, композицию и выразительные средства. Именно второй тип объектов создает наибольшие правовые трудности. В первом случае авторское право, скорее всего, сохраняется, но во втором — его возникновение вызывает сомнения.

Поскольку авторское право в отношении автономных ИИ-объектов неприменимо, исследователи и практики обращаются к альтернативным институтам Части четвертой ГК РФ. Одним из таких институтов является право на базу данных (гл. 71 ГК РФ, ст. 1333—1336). Такое право защищает не содержание, а структуру и организацию совокупности независимых материалов, если на их создание были затрачены существенные финансовые, материальные, организационные или иные усилия. Оператор ИИ-сервиса, организовавший генерацию и систематизацию большого массива данных, может претендовать на статус «изготовителя базы данных». Однако такая защита не распространяется на отдельные сгенерированные элементы (например, на конкретное изображение или текст), а охватывает лишь способ их организации. Следовательно, это средство защиты инвестиций, а не творческого содержания [13].

Другой возможностью является признание ИИ-контента производным произведением, если пользователь вносит в него существенные творческие изменения. В этом случае авторское право возникает, но только в отношении доработанной части. Однако на практике доказать «существенность» вклада бывает крайне сложно, особенно если исходный ИИ-контент уже обладает высокой художественной или функциональной завершенностью. Суды сталкиваются с необходимостью разработки критериев оценки творческого вклада, что требует, как методологической ясности, так и технической экспертизы.

В отсутствие прямого законодательного регулирования ключевую роль в определении правового режима ИИ-контента играют пользовательские соглашения.

Многие платформы, такие как *Midjourney*, прямо передают пользователю права на коммерческое использование сгенерированного контента при условии оплаты подписки. Это создает правовую защиту исключительно между сторонами договора (*inter partes*) — между пользователем и оператором. Однако такая защита не действует против третьих лиц, не связанных договором. Если конкурент скопирует ИИ-изображение, размещенное в открытом доступе, пользователь не сможет предъявить требование о нарушении исключительного права, поскольку такое не возникло в силу закона. Тем самым используемая модель соглашения оказывается недостаточно-целостной для обеспечения коммерческого оборота в договорной форме безусловного характера.

В аналогичной форме также допустимо использование общедоступных моделей ИИ (*Open Source AI*), сформированных на лицензионных условиях типа *MIT* или *Apache 2.0*, также формирующих особую форму защиты прав авторов посредством открытого договорного соглашения с пользователем. Данные условия пользования определяют, как порядок использования алгоритма, так и ряд требований к внешним формам применения и ограничений на коммерческое применение, без отдельного соглашения с разработчиками. Отмеченный подход усложняет порядок идентификации экспертного контента (*provenance*) и фактически могут быть проигнорированы с учетом развития цифрового пространства, затрудняющего контроль за соблюдением всех элементов лицензионного соглашения. При этом, данные алгоритмы также могут формировать элементы, тождественные с результатами обработки данных проводимых закрытыми системами, порождая тем самым внешние признаки, достаточные для возникновения споров о происхождении итогового результата в аспекте возможных нарушений авторских прав.

Отмеченное обуславливает признание в теории права необходимости введения специального правового режима для ИИ-объектов — в рамках института смежных прав или как право особого рода (*sui generis*). Специалисты предлагают предоставить исключительные права лицам, использующим модули с ИИ (оператору или пользователю), которые изначально выступили «первым» субъектом, запустившим процесс генерации охраняемого результата. Отмеченный подход не требует наличия у лиц специальных трудов затрат, но позволяет защитить организационные и финансовые инвестиции, значимые для предпринимательской сферы. Логически обоснованным местом нормативной регламентации данных права в ГК РФ выступает гл. 71, в которой уже регламентируются близкие отношения, к примеру права по изготовлению баз данных или систем размещения авторских результатов. Предлагаемым сроком охраны данных элементов может быть определена в 15—25 лет, что соответствует практике защиты инвестиционных прав.

Внедрения данной модели позволит преодолеть ряд базовых недостатков, выделяемых в контрактной системе защиты права — отсутствие действия против всех заинтересованных участников отношений (*erga omnes*). Использование исключительных прав создает юридическую возможность требовать пресечения правонарушений, компенсации убытков и выплаты компенсаций третьим лицам, даже если они не были связаны отдельным договором с правообладателем. Отмеченное особо важ-

но в условиях «взрывного» роста использования созданного с помощью ИИ-систем контента в рекламе, дизайне, медиа и других отраслях обладающих финансовой привлекательностью.

Не смотря на юридическое отсутствие авторских прав, ряд гражданско-правовые механизмы уже могут быть применены для разрешения споров, связанных с отмеченным. К примеру, несанкционированное копирование материалов, используемых в рекламных целях, может быть оспорено по признакам недобросовестной конкуренции на основании Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции». Использование данного алгоритма требует от заинтересованных лиц предоставления доказательства наличия конкурентных отношений и подтвержденного размера экономического вреда, что не всегда является возможным. Также в теории права ряд ученых предлагают осуществлять защиту своих права и законных интересов через введения режима коммерческой тайны (*noy-hau*). Если при использовании систем генерации информации на основе ИИ, авторы использовали уникальную систему создания т. н. промптов (описательный элементов, формирующих поручение для комплексов) или алгоритмов машинной генерации результатов сохраняют в тайне, то факт неправомерного их раскрытия может повлечь за собой наступления юридической ответственности. Несмотря на существующую систему защиты, данный механизм не в состоянии обеспечить защиту результата, а вводит механизмы защиты средств по его созданию, что ограничивает его применимость в отношении свободно распространяемого контента, т. к. системы на основе машинного интеллекта, даже при полном совпадении условий создание, не в состоянии повторить результат при полном совпадении технических характеристик результата [14].

Практика судебной защиты прав на формируемые системам на основе ИИ объектов также подтверждает наличия ряда серьезных препятствий. Статья 1252 ГК РФ предусматривает в качестве способа защиты авторских прав, включающего признание права, пресечение существующих нарушений и, при наличии подтвержденного вреда или угрозы его возникновения, взыскания компенсации. Использование данных мер, возможно, при наличии исключительных прав, возникающих в силу действия нормы закона, и если защищаемые результаты не признаны объектами авторского или смежного права, то способы становятся «неработоспособными» [15]. Исходя из данных обстоятельств, при обращении в суд с иском о защите авторских прав на созданный ИИ-контент, заинтересованные лица скорее всего получат отказ в принятии иска в связи с отсутствием юридических основания по защите таких права.

Исходя из отмеченных сложностей судебной защиты, следует признать значительную роль возможных первых судебных прецедентов в Российской Федерации, связанных с данным объектом защиты. Но суды, сталкиваются с правовым вакуумом, и вынуждены либо признать такие объекты частью общественного достояния, либо «подгонять» их под существующие институты, например, квалифицируя как базу данных или элемент недобросовестной конкуренции. Такие решения, по сути, будут выполнять функцию квази-регулирующего, пока не будет принято специальное законодательство. Международный опыт также не предлагает единого решения. США придерживаются

строгой модели «нулевой защиты»: без человеческого авторства — нет авторского права. Европейский Союз, приняв Акт об ИИ (*EU AI Act*; <https://artificialintelligence-act.eu/>), сосредоточился не на интеллектуальной собственности, а на регулировании рисков и требованиях к прозрачности. Тем не менее, положения об обязательной маркировке ИИ-генерированного контента могут косвенно повлиять на *IP*-споры, упрощая доказывание происхождения. Ни одна из ведущих юрисдикций не рассматривает возможность наделения ИИ квази-правосубъектностью — эта модель отвергнута как юридически и философски неприемлемая.

Возвращаясь к российскому контексту, следует отметить, что законодательный вакуум в этой сфере порождает не только правовую неопределенность, но и экономические риски. Инвесторы, разработчики и пользователи ИИ-сервисов не могут быть уверены в том, что их контент будет защищен от копирования. Отмеченное снижает доверие к технологиям и тормозит инновационное развитие. В связи с этим актуальным становится обращение к национальным нормативным инициативам. В частности, 18 марта 2026 г. был опубликован проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования применения технологий искусственного интеллекта» (<https://regulation.gov.ru/projects/166424/>), который закладывает базовые принципы правового режима ИИ, однако пока не содержит детализированных норм об интеллектуальной собственности на сгенерированные объекты. Поэтому необходимы как доктринальные разработки, так и дальнейшие нормативные инициативы.

Наиболее прагматичным путем представляется сочетание двух направлений реформирования. Во-первых, следует закрепить в ГК РФ принцип, согласно которому авторство возможно только при наличии творческого труда человека — в соответствии с международным консенсусом. Отмеченное обеспечит правовую ясность и предсказуемость. Во-вторых, необходимо ввести специальный режим исключительных прав для автономной ИИ-объектов в рамках гл. 71 ГК РФ. Такой режим должен предоставляться лицу, использующему ИИ для реализации замысла, и защищать его инвестиции и организационные усилия. Для обеспечения доступности по анализу объектов и облегчения процесса по их судебному применению целесообразно разработать и внедрить в правоприменительную практику национальные стандарты, регулирующие как маркировку ИИ-контента (частично уже введенного на основании заявительного порядка заинтересованных лиц), а также ввести требования к цифровой фиксации и сохранению систем анализа вклада автора в формируемый новый контент [ГОСТ Р 71657—2024 Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения (утв. и введен в действие Приказом Росстандарта от 1 октября 2024 г. № 1364-ст)].

Введение данного алгоритма позволит как интегрировать в экономическую сферу результаты ИИ-генерации, исходя из действующих норм гражданского права, так и соотнести новые элементы с действующими принципами авторского права, обеспечивая тем самым эффективную систему защиты прав участников рыночной сферы. При этом он также будет способствовать адаптации страны к международным технологическим

вызовам, соблюдая баланс между вводимыми инновациями и свободой использования личных знаний конкретного автора.

Основные выводы исследования сводятся к следующему:

- 1) в текущих условиях в Российской Федерации не существует эффективной *ex lege* защиты прав на автономно сгенерированный ИИ-контент;
- 2) доминирующим, но недостаточным механизмом является контрактная защита через пользовательские соглашения;
- 3) международный консенсус (США, Европейский Союз) подтверждает невозможность признания ИИ автором;
- 4) наиболее прагматичным решением является внедрение в ГК РФ специального режима (статуса) смежных прав для лиц, использующих ИИ (операторов), что позволит обеспечить исключительное право, действующее против всех;
- 5) необходима разработка государственных стандартов, регулирующих маркировку ИИ-контента и процедуры доказывания вклада человека.

Заключение

Современное российское гражданское право не содержит эффективных механизмов защиты авторских и смежных прав на объекты, полученные с помощью систем на основе ИИ. Основным препятствием является требование о творческом труде человека, закрепленное в ст. 1228 и 1259 ГК РФ, которое исключает возможность признания автономно сгенерированного ИИ-контента объектом авторского права. Международная практика, включая позицию патентного права США в деле *Thaler v. Vidal* (2022), где Апелляционный суд по федеральному округу постановил, что изобретателем может быть только «индивид», т. е. человек. Хотя такое решение касается патентного права, его доктринальные основания напрямую применимы к авторскому праву: если ИИ не может быть изобретателем, он тем более не может быть автором художественного или литературного произведения.

В отсутствие непосредственной регламентации правового режима ИИ-объектов, практическую роль играет контрактная система, применяемая операторами ИИ-сервисов, через пользовательские соглашения. Отмеченная система носит частноправовой характер и не может обеспечить исключительные права третьих лиц, что делает ее не эффективной в случае последующей коммерциализации, или возникшей необходимости по защите инвестиций. Базовые, предусмотренные ст. 1252 ГК РФ, средства защиты становятся неприменимыми в связи с отсутствием базового исключительного права, возникшего в силу закона.

Для устранения данных пробелов в защите авторами своих прав, предлагается ввести в действующие нормы российского законодательства нормы, вводящие специальные правовые режимы особого рода (*sui generis*) в рамках института смежных прав (гл. 71 ГК РФ). Наличие данных норм позволит ввести исключительные права лицам, использующему результаты полученные с помощью ИИ для реализации коммерческих интересов и защищать организационные и финансовые затраты, даже если они не требуют использования творческого труда. Применение данных норм также позволит обеспечить защиту прав первичного правообладателя, в случае возникновения исков против всех лиц (*erga omnes*) и обеспечить внедрение передовых технологий в условиях правовой определенности.

Приложение

При создании статьи использованы материалы отраслевой прессы:

- Открытые модели Искусственного Интеллекта // GitVerse. 2024. 22 авг. URL: <https://gitverse.ru/blog/articles/ai/78-otkrytye-modeli-iskusstvennogo-intellekta>.
- Шишкунова А. ИИ и авторское право: кому принадлежит созданный нейросетью контент и как законно его использовать // IPS.RU. 2025. 6 авг. URL: <https://1ps.ru/blog/texts/2025/ii-i-avtorskoe-pravo-komu-prinadlezhit-sozdannyiy-nejrosetyu-kontent-i-kak-zakonno-ego-ispolzovat/>.
- Epstein M. O., Feirman J., Levi S. D., Ghaemmaghami M. Copyright Office Publishes Report on Copyrightability of AI-Generated Materials // Skadden Publication / AI Insights. February 4, 2025. URL: <https://www.skadden.com/insights/publications/2025/02/copyright-office-publishes-report>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Правовые и этические аспекты, связанные с разработкой и применением систем искусственного интеллекта и роботехники: история, современное состояние и перспективы развития / В. В. Архипов, Г. Г. Камалова, В. Б. Наумов и др. СПб. : НП-Принт, 2020. 260 с.
2. Аюшеева И. З., Василевская Л. Ю. Гражданский оборот в условиях цифровизации: проблемы и перспективы развития : моногр. / отв. ред. Л. Ю. Василевская. М. : Проспект, 2025. 313 с.
3. Баракина Е. Ю., Попова А. В. Трансформация государственных цифровых платформ обеспечения экономической безопасности // Экономика. Налоги. Право. 2023. Т. 16. № 4. С. 158—166. DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-4-158-166.
4. Белкина М. В. Авторские права на объекты, созданные искусственным интеллектом: пробелы законодательства и пути их устранения // Власть закона. 2021. № 2(46). С. 152—166.
5. Валамат-Заде А. Р., Черновол К. А. Объекты интеллектуальной собственности, создаваемые с помощью искусственного интеллекта: особенности правового регулирования в России и за рубежом // Вестник современных исследований. 2020. № 5-1(35). С. 9—12.
6. Воробьева И. В., Салахутдинов В. Д. Проблемы правового регулирования искусственного интеллекта // Наука и образование: будущее и цели устойчивого развития : материалы XVI междунар. науч. конф. : в 4 ч. М. : МУ им. С. Ю. Витте, 2020. Ч. 4. С. 65—75.
7. Деев С. А. Перспективы и проблемы применения искусственного интеллекта в правотворческой деятельности и в правоприменении // Молодой ученый. 2022. № 38(433). С. 111—114.
8. Шилкина Е. П. Проблемы правосубъектности искусственного интеллекта // Молодой ученый. 2023. № 7(454). С. 220—224.
9. Горбань В. С. Генетическая паспортизация в России // Актуальные проблемы административного, финансового и информационного права в России и за рубежом : материалы междууз. науч. конф. на базе каф. администрат. и финанс. права Юрид. ин-та Рос. ун-та дружбы народов. М. : Рос. ун-т дружбы народов, 2022. С. 215—221.
10. Коршунов С. В., Федоров И. Б., Норенков И. П. Подготовка специалистов в области компьютерных наук, техники и технологий // Прикладная информатика. 2006. № 4. С. 3—14.
11. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : моногр. Киров : Вят. гос. ун-т, 2020. 111 с.
12. Ву Дж. Восполнение пробела в правовом регулировании отношений в сфере изобретений, сделанных искусственным интеллектом // Russian Journal of Economics and Law. 2024. Т. 18. № 1. С. 190—216. DOI: 10.21202/2782-2923.2024.1.190-216.
13. Егоров Г. Г. Международный опыт внедрения цифровых технологий в современном обществе // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 110—118.
14. Егоров Г. Г. Опыт КНР по внедрению искусственного интеллекта в гражданско-правовые отношения (проблемы, перспективы) // Вестник ВИЭПП. 2025. № 2. С. 182—195.
15. Близнец И. А., Коровин О. В. Авторское право в эпоху перемен: настоящее и будущее // Юрист. 2026. № 3. С. 2—12. DOI: 10.18572/1812-3929-2026-3-2-12.

REFERENCES

1. Arkhipov V. V., Kamalova G. G., Naumov V. B. et al. Legal and ethical aspects related to the development and application of artificial intelligence and robotics systems: history, current state and development prospects. Saint Petersburg, NP-Print, 2020. 260 p. (In Russ.)
2. Ayusheeva I. Z., Vasilevskaya L. Yu. Civil turnover in the context of digitalization: problems and prospects of development. Monograph. I. Z. Ayusheeva (ed.). Moscow, Prospekt, 2025. 313 p. (In Russ.)
3. Popova A. V., Barakina E. Yu. Transformation of State Digital Platforms for Ensuring Economic Security. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics, taxes & law*. 2023;16(4):158—166. (In Russ.) DOI: 10.26794/1999-849X-2023-16-4-158-166.
4. Belkina M. V. Copyright on objects created by artificial intelligence: gaps in legislation and ways to eliminate them. *Vlast' zakona = The Power of Law*. 2021;2(46):152—166. (In Russ.)
5. Valamat-Zade A. R., Chernovol K. A. Intellectual property objects created with the help of artificial intelligence: features of legal regulation in Russia and abroad. *Vestnik sovremennykh issledovaniy*. 2020;5-1(35):9—12. (In Russ.)
6. Vorobyova I.V., Salakhutdinov V.D. Problems of legal regulation of artificial intelligence. *Nauka i obrazovanie: budushchee i tseli ustoichivogo razvitiya = Science and education: the future and the goals of sustainable development. Proceedings of the XVI International scientific conference*. Moscow, Moscow Witte University publ., 2020;4:65—75. (In Russ.)

7. Deev S. A. Prospects and problems of using artificial intelligence in law-making and law enforcement. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2022;38(433):111—114. (In Russ.)
8. Shilkina E. P. Problems of legal personality of artificial intelligence. *Molodoi uchenyi = Young Scientist*. 2023;7(454):220—224. (In Russ.)
9. Gorban' V. S. Genetic certification in Russia. *Aktual'nye problemy administrativnogo, finansovogo i informatsionnogo prava v Rossii i za rubezhom = Topical issues of administrative, financial and information law in Russia and abroad. Proceedings of the interuniversity scientific conference at the Department of Administrative and Financial Law of the Law Institute of the RUDN University*. Moscow, RUDN University publ., 2022:215—221. (In Russ.)
10. Korshunov S. V., Fedorov I. B., Norenkov I. P. Training of specialists in the field of computer science, engineering and technology. *Prikladnaya informatika = Journal of Applied Informatics*. 2006;4:3—14. (In Russ.)
11. Mosechkin I. N. Artificial intelligence in criminal law: prospects for improving protection and regulation. Monograph. Kirov, Vyatka State University publ., 2020. 111 p. (In Russ.)
12. Wu J. Bridging the AI inventorship gap. *Fordham Law Review*. 2023;91(6):2515—2547.
13. Egorov G. G. International experience in implementing digital technologies in modern society. *Vestnik Rossiiskoi pravovoi akademii = Herald of the Russian Law Academy*. 2024;4:110—118. (In Russ.)
14. Egorov G. G. Experience of the People's Republic of China in implementing AI in civil law relations (problems, prospects). *Vestnik VIEPP*. 2025;2:182—195. (In Russ.)
15. Bliznets I. A., Korovin O. V. Copyright in the time of change: present and future. *Yurist = Jurist*. 2026;3:2—12. (In Russ.) DOI: 10.18572/1812-3929-2026-3-2-12.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 30.05.2026; принята к публикации 01.06.2026.
The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 30.05.2026; accepted for publication 01.06.2026.